

18+

Павел Борода

МОРОСЬ

Сборник рассказов

Павел Борода

Морось. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Борода П.

Морось. Сборник рассказов / П. Борода — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984812-3

Сборник рассказов «Морось» расскажет о самых важных вещах для — верю! — каждого человека. О его детстве и семье, первых пробах любви и дружбы. О том, что стоит радоваться тем мелочам, что окружают нас в жизни.

ISBN 978-5-44-984812-3

© Борода П.
© Издательские решения

Содержание

МОРОСЬ	6
Запахи. Или предисловие	7
Дед	9
Призвание	13
Сельские любви. Триптих	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Морось

Сборник рассказов

Павел Борода

© Павел Борода, 2020

ISBN 978-5-4498-4812-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Борода Павел Яковлевич

г. Макеевка, Донецкая обл., Украина

+380997673932

pavel.boroda@gmail.com

МОРОСЬ

Сборник рассказов

Содержание:

- Запахи. Или предисловие
- Дед
- Призвание
- Сельские любви. Триптих.
- Чемоданчик
- Жизнь Степана
- Квартирантки
- Летом
- Мистическая
- Еще одна хата
- Запахи. Или послесловие

Посвящается моей маме

Запахи. Или предисловие

Дорога в деревню вырывала из жизни изрядный кусок в размере почти что двух дней. Однообразные пейзажи, заунывный, усыпляющий ритм, жаркие споры с сестрой, кому из нас спать на верхней полке.

– Там дует, – говорила мама, и на заветное место отправлялся тот из нас, кто на тот момент выглядел более здоровым. Чаще таковым оказывался я. Анина бледность была все же чуточку бледнее.

Я лежал, уткнувшись носом в подушку, надеясь хотя бы так избавиться себя от настырных запахов. Плацкарт, поддавшись рефлексу, безостановочно ел. Хрустели куриные кости, трещала яичная скорлупа, проводница разнесла чай. Подушка не спасала. Более того, вносила свою лепту.

– Мне ужасно неловко, но нельзя ли спросить у вас чашечку? – в купе образовался симпатичный мужчина, от которого приятно пахло сладким.

Чашка, о которой мужчина осведомлялся, была железной, не убиваемой, с нарисованными вишенками. Путешествовала с нами, сколько я себя помню. Я был очень к ней привязан. Называл «чашкой-переливашкой».

– Под чай, вообще-то, стаканы выдают, – заметила мама.

– Сударыня, вы правы, как никогда, но мой друг желает распить не чай, а вино домашнего приготовления. Виноград давил вот этими самыми ногами. Если, конечно, не врет. А у меня нет повода ему не верить. Как и вам – мне, – весело размахивая руками, ответил мужчина.

– Берите. Ну вас, – отмахнулась мама. Я подумал, что это очень невежливо: так разговаривать с незнакомым человеком. Мужчина мне определенно понравился. Ребенком я вообще был очень доверчив. Ко всем людям без исключения питал необоснованные симпатии. Был готов делиться последним. Например, соседскому мальчишке, впоследствии затерявшемуся в дебрях исправительных колоний, подарил все имевшиеся у меня миниатюрные модели автомобилей советского автопрома.

– Верну, непременно и скоро! – сказал мужчина и скрылся в зарослях свисающих простыней и носков.

Так и не вернул. Я, отключившийся на несколько часов, проснулся и свесил голову. Мама читала книгу.

– Где чашка? – первым делом спросил я.

– Хотелось бы мне знать, – ответила мама.

Я расстроился.

– От него так вкусно пахло, – зачем-то сказал я.

– Это перегар. Странно, что тебе такое нравится. Настораживает.

***

Наша деревня мало чем выделялась из сотен ей подобных. Она не была воткнута прямым в елово-сосновую гущу, в хвойный, мохнатый ком. Не напоминала тем самым сказочную обитель, где из лесу в любой момент может выбежать волк или леший. Вполне заурядная деревня. С аккуратно натканными хатами, с бездорожьем, с раздольем, с буйством природы. Чтобы узнать ее из сонма ровно таких же деревень, мало здесь родиться – нужно прикипеть к этому месту душой. Настолько, что спустя десяток лет, уловив едва о чем-то говорящий аромат, нечаянно пробившийся из городского смога, внутри тебя что-то всколыхнется и защемит так, чтоб до слез.

Запах переработанного кокса...

...Или невесть откуда взявшегося навоза...

...Или потрескивающих дров в доме, который не мой и куда меня пригласили, не подозревая, сколько воспоминаний может нахлынуть, стоит только хозяевам растопить печь...

...Запах вечера. Настолько плотного, что, кажется, его можно пощупать. Бархатный деревенский вечер, когда стихают все звуки, рассасывается сумеречная дымка, и мы рассаживаемся на скамейках под липой, кутаясь в телогрейки...

...Запах воркующих сверчков...

...Запах прокуренного тамбура...

...Запах молокоперерабатывающего завода. Душераздирающие ощущения...

...Конечно, запах дождя. Дождя, который хоть на какое-то время смывает городскую грязь, обнажая искренность, казавшейся подноготщиной. Переворачивает все с ног на голову. Уносит меня к родной хате, на пороге которой стоит бабушка, перебирает в кармане телогрейки каштаны и вглядывается вдаль, силясь рассмотреть нас, нагруженными сумками, тюками, чемоданами. Дышащих полной грудью, сопливлящих, одурманенных свежестью. Капли воды сливаются с бабушкиными слезами, чтобы потом перекочевать на наши щеки, подставленные под любящие, поспешные поцелуи. На подбородке бабушки растут мелкие волоски, которые колют мне лицо, и я спешу побыстрее пройти эту «экзекуцию», усесться за стол. Он пока еще пуст, но по мановению бабушкиной руки из горнила печи извлекается чугунок с «колдунами» или блинами, или «драниками». Пока мама копошится в сумках, разбрасываясь гостинцами, мы с сестрой налетаем на угощение. Наедаемся так, что кожа на лице начинает лосниться.

Сводка новостей, клубок известий, сумбурный обмен информацией. Видно, что и маме, и бабушке хочется поговорить о чем-то важном, но на выхлопе всякая дребедень. Это все от волнения. Нужно прийти в себя, дать улечься разбушевавшимся чувствам. Дать улечься нам с сестрой.

Аня привычно занимает отдельную палату. С радиолой «Ригонда», с мягкой кроватью, на которой нельзя было просто лежать – только утопать, – с шишечками, украшающими ее изголовье. Мне достается половина дивана. На второй будет спать мама.

***

Деревенский вечер укутывает. Меня укрывают не одеялом, но огромным звездным небом. Теплым, ватным, с ярко-красным ромбом. Я, не различающий грани между явью и грезой, засыпаю под равномерное тиканье настенных часов, под слабый, оранжевый свет пробивающийся из кухни, под приглушенные голоса бабушки и мамы, убаюкивающие лучше иной колыбельной. Когда мне уже невозможно разобрать даже отрывки слов, я проваливаюсь в глубокий и безмятежный сон. Такой, который может быть только в детстве.

Дед

Мой дед Саша построил своими руками дом. В его саду выросло несколько яблонь и одна груша. Троицу дочерей разбавил один сын.

Я взял в ипотеку квартиру. Посаженное мною на субботнике дерево не приняла земля. После семи лет кропотливых усилий, посещений больниц и церквей моя жена, наконец, беременна дочерью. Другими словами, мой план по становлению мужчиной выполнен где-то на шестнадцать процентов с копейками. Я и в подметки не гожусь своему деду.

Дед Саша прошел войну. Потерял сына. Его Витя разбился на мотоцикле. После чего дед стал угрюмым и злым. Я до ужаса его боялся. Бабушка говорила мне, что дед такой из-за того, что ударился головой об дверной косяк. Что он ничего не имеет против лично меня. Но я все равно боялся. Это был какой-то животный, ничем не обоснованный страх. В присутствии деда я замирал и покрывался потом. Нерегулярно дышал. Плохо спал.

Я помню, как однажды мне довелось остаться с ним наедине на кухне. В бане был женский день. Дед сидел за столом и что-то калякал на листке бумаги. Я не мог пошевелиться. Меня словно парализовало. Я дождался, пока дед, сопя и пыхтя, словно школьник над задачей, не закончит со своей писаниной, скрутит папироску и выйдет в сени покурить. Едва он прикрыл за собой дверь, как я пулей рванул в гостиную, где через открытое окно выскочил в палисадник, а оттуда – вдоль по улице, как можно дальше от дома.

Я отказывался верить, что красивый молодой человек с правильными чертами лица, с ясным и чуть печальным взглядом, смотрящий куда-то в сторону с черно-белой фотографии, это мой дед. Я показывал пальцем на снимок, висящий над сервантом, и спрашивал у мамы, кто это.

– Как кто? – удивлялась она. – Это твой дедушка. Ему тут еще и тридцати нет.

Мой страх не улетучился даже со смертью деда. Мы приехали на похороны вдвоем с мамой. Она бросилась к стоящему в гостиной гробу, а я так и не смог приблизиться, чтобы попрощаться со своим дедом. Я и мертвого боялся его. Боялся, потому что нисколько его не знал живого.

***

Внешностью дед вышел представительной. С годами его сановитость только усугублялась. Он мог запросто сойти за депутата или представителя райкома. Его грудь подобающе выпячивалась. Взгляд внушал уважение. От деда за версту веяло солидностью. Правда, не только ею.

Дед был не дурак выпить. Когда он приезжал к нам, городским, в гости, то приходил в щенячий восторг от одного только факта: в местных забегаловках наливали по сто грамм. Мне, правда, были не понятны чувства деда, если он все равно выпивал не меньше бутылки. Возможно, причина крылась в другом:

– Каков сервис, – причмокивая, говорил дед, – вы представляете, здесь к каждой стопке подают дольку лимона. А иногда – ренклюд.

Выпив, дед любил спеть. У него был зычный, шедший из грудинных недр, бас. Деревенские бабы, услышав пение деда, расплескивали воду. Собаки прекращали выть. Коровы давали небывалые удои. Умолкали соловьи. Пел дед исключительно оперные партии. Происхождения они были сомнительного. Кажется, дед их сочинял просто на ходу. Чередовал набор гласных, перебирал гаммы.

Дедовы слабости, увлечения, а также находчивость и легли в основу этой истории.

***

После войны дед вернулся в родную деревню. Выбрал себе в невесты мою бабушку. Оставил ее попевать, а сам взялся за постройку дома. Какое-то время жил вместе со своими родителями. Хата была неказиста, плавно сползала в овраг. Ее подпирали балками, колдовали над фундаментом, но она все равно сползала. Пизанская башня местного разлива.

Под одной крышей с ними жил батюшка. Совсем юный и неотесанный. С пушистой, перекаистой бородой. Он только-только окончил семинарию. Ежедневно разучивал псалмы, тихонько напевая их в своей комнате. Крестил все, что попадет под руку.

Мороки с постояльцем не было. Святой отец часто и подолгу отсутствовал. Был, как говорится, нарасхват. Разъезжал по близлежащим весям. Перекрестил столько детей, что его прозвали Солнышком Святославовичем. Никоим образом не докучал хозяевам. Встанет спозаранку, соберет вещички, лампадку в платок завернет и через огород на трассу, ловить попутку. Вернуться мог спустя несколько суток.

***

В тот день у хаты остановилась целая делегация. Мой дед и прадед обедали на кухне. Картошка в мундирах, малосольные огурцы, глазунья, всему венцом – зубровка. Встречать прибывших вышла прабабка. Пред ее очами предстал просто-таки конгломерат рванья и благородства.

Процессию возглавлял хилый и шуплый мужичок с натянутой на уши покоцанной шляпой. Его усы топорщились, словно ерш для чистки труб. Пиджак был на два размера больше. На лацкане – значок члена КПСС. Взгляд уравновешенный, плавно перемещающийся, оценивающий. Опустившийся аристократ, не иначе.

Мужичок держал под узды доходягу кобылу, впряженную в допотопную телегу. На ней сидели, судя по всему, его жена и дети. Детей было много. Пять или шесть. Они постоянно двигались, менялись местами, так что прабабка не могла их толком сосчитать. Все светловолосые, с пуговицами вместо носов, с насупленными бровями, выраженные в какие-то лохмотья. Кажется, мальчишки. Вели себя препогано. Поочередно подходили к краю телеги, спускали подобие штанов и дюрели прямиком на дорогу. Прабабки не стеснялись. Мужичок окликал их, грозил, но у всех наготове был один ответ: «Не донесу, батя». Его жена прижимала к груди сверток, в котором угадывался еще один потомок плодovitого мужичка. Сверток скулил и скрипел. Пытался извернуться и грохнуть оземь.

Но при всем при этом, при всей внешней неприглядности семейство держалось великодушно и благочестиво. Величаво задирали подбородки, глядело свысока, напыщенно, чуть ли не барственно. Жесты были скупы, но емки. В одном взмахе руки – целая эпопея чувств и внутренней борьбы. Они даже сморкались с апломбом.

У меня был один такой сосед. Он с выражением глубокого оскорбления принимал подачки на опохмел. Презирал меня за подаяния. Ни в коем случае не благодарил. Перекладывал на мои плечи ответственность за свое нравственное падение. Но вернемся к ходу истории.

Мужичок расшаркался перед прабабкой. Та тоже что-то среверансила. Посудачили о погодах и делах хозяйственных. Перешли к делу. Выяснилось, что прибыли они всей семьей к батюшке, чтобы окрестить младшенького. Жутко расстроились, узнав, что святой отец отправился с очередной миссией в расположенную за сто километров деревню. Жена мужичка и вовсе обвинила того в непредусмотрительности. На что он достойно ответил, сказав, что негоже судить о предусмотрительности той, по чьей вине теперь требуется телега, чтобы перевезти всех отпрысков.

– Не сбрызнешь – не зацветет, – фыркнула женщина и отошла.

Спору разгореться было не суждено. Протяжное и мясистое «О» прошло по барабанным перепонкам. На крыльцо вышел дед. Румяный, сытый, поигрывающий подтяжками. Привлек своим станом и вокалом всеобщее внимание.

– Сын мой. Александр Тимофеевич. Уроженец этих мест. Временно не женат, – отрекомендовала его прабабка.

Дед полюбопытствовал, отчего весь сыр-бор. Ему объяснили. Мол, столько верст преодолели, а тут такой confusion. Дети голодны, кобыла на последнем издыхании, у матери нервный срыв, семья на грани развала.

– Выручай, – говорит мужичок, – В долгу не останусь. У тебя, – говорит, – голос правильный, с соответствующим посылом.

– Нельзя без сана, – взъерепенилась прабабка.

– Кристально чистая душа примечательнее пострига, – обрубил мужичок, – Так как, окрестишь грудничка?

– А хули бы и нет? – ответил новоявленный батюшка.

***

Обряд крещения прошел согласно канонам, пусть и напоминал студенческую самодеятельность. Купель сообразили из тастика, масло мирры обнаружили в закромах священника, крестообразно остригли младенца портняжными ножницами. С алтарем вышла накладка. Ребенка вносили в комнату батюшки. Возвышением служил табурет.

Дед старался от всей своей кристально чистой души. Пел громко, стройно и непонятно. Прабабка суетилась вокруг и подсказывала, что делать. Младенец вел себя подобающе, то есть – богобоязненно. Следовал примеру своих старших братьев: беспрерывно писался. Так на него влиял громоподобный бас деда.

Окрестили Наумом, именем, взятым из месяцеслова.

После праздновали. Прабабка, чтя традиции, приготовила многодетному папаше кашу с перцем и хреном.

***

Прошло время. Мой дед уже несколько лет работал учителем физкультуры в деревенской школе. Мог легко докричаться до любого ученика из любой точки спортивной площадки. Обходил без свистка. Преподавательский состав его любил и уважал. Прощал ему его слабости. Снисходительно относился к легкому амбре алкоголя во второй половине дня. Дед был незаменим в период новогодних празднеств. Его внушительная и представительная соматическая конституция, как ничья другая, подходила для облачения в костюм деда Мороза.

В начале очередного учебного года один из младших классов пополнился новеньким. Светловолосый, насупленный мальчик с пуговицей вместо носа примостился в самом конце строя. Он был ниже на голову всех своих сверстников. Одет был в заношенные и застиранные спортивные. Явно с чужого бедра. Однако смотрел мальчик на всех с презрительной долей чванства.

Деду показалось его лицо до боли знакомым. Он заглянул в классный журнал. Среди привычных имен выделялось одно – Наум.

***

После своего бегства кустами палисадника я вдоволь повеселился на лугу, гоняя не крупнокалиберный скот. Излазил вдоль и поперек скелет трактора. Вернулся спустя пару часов. Дед

ковырялся в сарае. Грохотал и чертыхался. Мама и бабушка, покрасневшиеся, в повязанных на головы косынках, сидели во дворе.

Кухня пустовала. На столе лежал тот самый листок бумаги, над которым так старательно корпел дед. Я подошел и взглянул на него. Не обнаружил никакой писанины – только рисунок. Лошадь, усыпанная яблоками, била копытцем. Ее грива воздушной, пышной гладью стлалась по шее. Простой, незамысловатый рисунок. Лошадь больше похожая на леденец или на игрушку-свистульку. Такими лошадями обычно малюют дети.

Так мой дед пытался изничтожить тот алогичный и неприемлемый барьер между нами. Мы оба не знали, как подступить друг к другу. Дед зашел издали, откуда-то из-за угла. Теперь пришел мой черед подступить тем же манером. Глядишь, рано или поздно сблизимся.

Призвание

Мои родители решили сменить тихий уголок, в котором неустанно колдует природа, на крупный промышленный город, где ничего не колдует, а только источает смрад. Они надумали променять небрежные, рожденные вдохновением мазки на вычерченные с помощью огромной рейшины прямые линии и углы. Здесь не было на что засмотреться, зато здесь была работа. А у мамы на руках – моя сестра. Которая тогда еще не была сестрой, а просто дочкой. И хотела есть.

Двоюродный мамин дядя любезно и, что еще важнее, безвозмездно предоставил родителям в распоряжение двухкомнатную квартиру. Это был добрый и щедрый человек. Его душа была шире, чем экватор. Я прекрасно его помню. Он мог высидеть яйца. Как самая настоящая курица. Дядя Леня громко говорил, размахивал руками, словно лопастями мельницы, и никогда не унывал. Сейчас таких людей не делают. Модель снята с производства.

Родители переехали в незнакомый город, встретивший их вьюгой и пыжиковыми шапками. Их тогда носили все мужчины, как под копирку. Папа в своей кепке смотрелся паршивой овцой. Его даже не достаивали взгляда. А если и достаивали, то смотрели, как на дикаря.

***

Мама с папой познакомились в педагогическом институте. Мама училась на географическом факультете, папа – русского языка и литературы. Он был начитан, эрудирован, артистичен. Выступал на театральной сцене. Жгучий брюнет с пышными усами, как у молодого Боярского. Он впечатлял, покорял, разбивал сердца. За ним увивался сонм разномастных девушек. Не увивалась одна мама. Поэтому ее пришлось завоевывать. Папа истратил колчан стрел и пучок нервов, а мама укатила со своей группой на Кавказ. Как только вернулась, он тут же сделал ей предложение. Вынырнул из огромного букета астр и попросил больше никуда без него не уезжать. Мама подумала и ответила «Да». Тем более, что Кавказ ей не очень понравился: куча гор, а у нее боязнь высоты.

В городе мама занялась обустройством квартиры, а папа – поиском работы. Он обошел десятки школ, но везде вакансия учителя русского языка и литературы была занята. Папа забрел в глухие дебри. Там пахло чем-то тухлым. Людей не наблюдалось вовсе. Здание школы было неравномерно выкрашено в зеленый цвет. Папа поднялся на второй этаж, постучал в кабинет директора.

– Да-да! – голос из-за двери обнадеживал живостью.

Папа робко протиснулся. За столом сидел невысокий пожилой мужчина. Выглядел аляповато. Впечатление портил грубого покроя коричневый костюм. Еще – стоящие торчком редкие кустики волос по бокам выпуклого лысого черепа.

– Прошу вас, юноша, не робейте, – пропел директор, – Чем могу служить?

Папа объяснил цель своего визита. К директору почувствовал расположение. В общении тот был удобен и мягок, как пуф.

– Понимаю, понимаю, молодой человек, но ничем не могу помочь. Руки связаны, кадровый состав переполнен, трещит по швам. Зое Никитичной, почитай, восьмой десяток, а на заслуженный отдых и не собирается. И не спровадишь! Вы представляете: ни в какую! «Нет, нет, нет! – верещит – Только через мой труп». Между нами говоря, это единственный выход. Но я бы на вашем месте не особо рассчитывал, не рассчитывал. Зоя Никитична нас всех переживет. Вот увидите.

– Жаль, – сокрушенно произнес папа и поднялся, чтобы уйти, – Простите, что отнял у вас время.

– А вы, молодой человек, женаты? – спросил вдруг директор, показывая, чтобы его посетитель не торопился.

– Всенепременно, – ответил папа и снова присел.

– Обзавелись?

– Три года как. Девочка.

– Как зовут?

– Анной. В марте день рождения.

– Прекрасное имя. А по батюшке?

Папа дивился такому любопытству и учтивости директора.

– Яковлевна. Меня, – решил уточнить он, – Яковом звать.

– В какую школу Анну Яковлевну впоследствии определять думаете?

Папа ответил, что они еще и не думали. Мол, рано. Обжиться бы, работу сыскать.

– Позвольте отрекомендовать вам наше учебное заведение, – директор заговорил перебивами, – По одежке не встречайте, не встречайте. Зрите вглубь и вширь. Золотые учителя! В том году два первых места на городской олимпиаде и одно третье.

– Мы живем далеко, – признался папа. Ему было неловко отказывать такому положительному человеку.

– А вы переезжайте. У нас очень перспективный район. Через пять лет вы его не узнаете. Как там великий комбинатор говорил? Васюки да в Нью-Москву? Вот примерно то же ждет и наш территориальный округ. Только взаправду. Как-никак состоим при градообразующем комбинате.

Папа вспомнил увиденные им смог, грохочущий пустой трамвай и стаю собак, раздербанивающих ошметки мусора. Подумал, что перспективность весьма отдаленная, с трудом просматривающаяся, еле уловимая. Но огорчать оказавшего радушный прием директора не решился. Уверил, что со всей серьезностью обдумает его предложение.

– А в школы больше не ходите, не ходите. Везде кадровый профицит. Везде.

– Куда же мне идти?

– А вон, видите, – директор показал в окно на шиферную крышу трехэтажного здания, – местный райотдел. Сходите туда. Там всех берут.

Они распрощались, и папа, все еще слегка озадаченный, сбитый с толку неудачными поисками, направил свои стопы в отделение милиции. Густая, иссиня-серая пелена проглотила дымок отцовской сигареты, не поперхнувшись.

***

Дежурный с кем-то громко разговаривал по телефону. Время от времени переходил на крик. Звонившему – если то был потерпевший – вроде как предлагалось выбрать из двух зол: или разобраться со своей проблемой самостоятельно, или обзавестись новой. То бишь безумным и психованным дежурным. Который то и дело поправлял спадающие на нос очки. Что-то записывал. Сразу было видно – разноплановая личность, многозадачная. Папа ждал, пока тот закончит разговор. Пока что рассматривал фотопортреты преступников. Один ему приглянулся. Был похож на его однокурсника.

– Признали кого? – неожиданно спросил дежурный.

– Нет, – ответил папа, – хотя, смеху ради, вот этот очень похож на одного моего знакомого.

– Имя?

– Чье? Мое?

– Знакомого!

– Но зачем? Ах... Нет, он совершенно из другой страны. Да и я не могу со всей уверенностью...

– Тогда что вы мне голову пудрите? Думаете, что у меня других дел нет?

– Я не пудрю. Мне работа нужна.

– Гражданин!

– Я со всей серьезностью. Простите, что отвлекаю.

– Минуту.

Дежурный снова снял телефонную трубку. Набрал какой-то номер. Попросил спуститься некоего Быкова. Через несколько минут явился высокий, широкоплечий мужчина с выдающимся животом. Он был воистину огромен. Метра два в высоту, в охват, как «Генерал Шерман». В его пухлых губах дымилась сигарета. Взгляд рыбий. Лоб покрыт испариной.

– Что случилось? – спросил он низким голосом у дежурного.

– Вот, – дежурный показал на отца, – Говорит, на работу пришел.

– Сам?

– Сам.

– Трезвый?

– Вроде бы.

Они переговаривались, будто отец не находился рядом.

– Дела, – заключил Быков.

– Куда только катимся, – подтвердил дежурный.

Быков навис над отцом. Внимательно его осмотрел из-под потолка. Сказал следовать за ним. Провел в кабинет. Там царил бардак, хаос. На подоконнике неуместно смотрелся алоэ. Земля в горшке была вдоволь удобрена окурками. Стояло три стола. Все были завалены какими-то папками, бумагами, письменными принадлежностями. На стене висел портрет Брежнева. Брови угрожающе походили на гусениц-шелкопрядов.

Быков усадил отца на что-то, под чем просматривался стул. Дал несколько бланков, ручку, дырокол. Подумал и дырокол убрал.

– Я по образованию преподаватель русского языка и литературы, – начал было отец.

– В биографии так и укажешь, – ответил Быков.

Так мой отец устроился на работу в милицию.

***

Отец не обладал какими-либо исключительными талантами, выдающимися способностями, познаниями в области дедукции. Он просто делал свое дело. Следовал правилам, перенимал опыт, не ленился, не откладывал на потом. Порой этого более, чем достаточно. Он опрашивал свидетелей, обходил соседей, все подробно записывал. Обычно преступника или сдавали его близкие, или он приходил с повинной. Ничего экстраординарного или изощренного.

Отец бодро поднимался вверх по карьерной лестнице. От тривиального участкового до следака. Снискал уважение коллег и не только. Ему высказывали свое почтение и, так называемые, асоциальные личности: преступники, алкоголики. Они узнавали отца на улице, окликали его, подбегали пожать руку и перекинуться парой слов. Говорили, что он поступает по справедливости. Что если бы не он, то мотать им срока вдвое больше и втрое чаще.

***

Отец спустился по ступенькам. Пересилил рвотные позывы. Тошнотворные, сладковатые запахи гниения и разложения полностью оккупировали носовые пазухи. От отца требовалось снять отпечатки пальцев с утопленника для установления его личности.

В морге его встретил патологоанатом по фамилии Квашня. Он сидел за столом и читал свежий номер «Правды». Одновременно выковыривал спичкой грязь из-под ногтей. Его рыхлый, похожий на трюфель, нос шевелился. Жил своей отдельной жизнью. В остальном Квашня выглядел целостно: затасканный, циничный человек.

Отец объяснил цель своего визита.

– Дебют? – спросил Квашня. Он очень хорошо разбирался в людях. Для этого тем совсем не обязательно было быть живыми.

– Так точно! – ответил папа.

– Деньги есть?

– Несомненно. Но ничтожно. Если быть точным, то впритык.

Квашня достал из кармана халата пять рублей.

– Возьми бутылку «Столичной». Сдачу принесешь.

Отец вернулся с водкой. Высыпал на стол пятьдесят шесть копеек. Квашня сгрел их обратно в карман. Выдвинул ящик стола. Там ютилось два стакана. Он разлил в них спиртное. Устрашающе, то есть до краев.

– Пей, уважаемый, – велел он.

– Служба ведь, – возразил отец.

– Само собой.

– День на дворе.

– Не аргумент.

Квашня опрокинул стакан. Проследил, чтобы выпил папа. Снова уткнулся в газету.

– Франция вывела войска из Чада, – сказал Квашня.

– Наконец-то, – поддакнул отец.

Через пару минут патологоанатом сложил газету, снял очки и внимательно посмотрел на отца. Вроде как что-то для себя уяснил.

– Бери перчатку, – велел он, – Надевай.

Квашня убедился, что отец с поставленной задачей справился. После чего взял скальпель и сделал аккуратный надрез вокруг запястья покойного. Отец заморожено наблюдал за действиями Квашни. Старался представить, что тот освежевывает кролика. Кое-как вслушивался в его комментарии:

– ...сморщивание эпидермиса... отделяю от дермального слоя кожи... так называемая «мацерация»... что ж ты бя... и-эх! И получаем... Получаем... Еще одну перчаточку. Держи красавицу!

С опьянением наперевес папа откатал «пальчики». Был чрезмерно благодарен патологоанатому за введение в курс дела.

Уже скоро он станет до боли похожим на своего «гида». Милиция взрастит в нем задатки циника. К его нервным окончаниям будет подведен электрический ток. Он будет с усмешкой вспоминать, как наступил на селезенку сгоревшего в своем доме человека.

***

Безработный Селивакин был пойман на месте преступления. Как говорится, с поличным. Он даже не успел толком выбраться из магазина, выбранного им для совершения дерзкого преступления. Селивакин надумал украсть бутылку водки, пачку сигарет «Космос» и палку колбасного сыра. Набор поражал своей лаконичностью. Забрался бы Селивакин в современный супермаркет, наверняка бы прихватил еще и крошоны.

Судьбоносной ошибкой горе-преступника было то, что выпить ему захотелось тут же. Не покидая стен магазина. Селивакин морщился и вдыхал ртом воздух, когда в дверь вломи-

лись милиционеры. Он вспомнил слова покойницы тещи. Та всегда говорила о том, что водка его погубит.

На место преступления вызвали двух следователей. Моего отца и его напарника по фамилии Петрулин. Они допросили Селивакина. Убедились в существовании отдельной стадии идиотизма. Грабителя увели, вещдоки упаковали. Следователи остались дожидаться опергруппу.

Отец направился в подсобные помещения справить нужду. Когда вернулся, то застал Петрулина поедающим грубо порезанную буженину. Напарник аппетитно чавкал. Ломал руками хлеб. Ел отрешенно, как-то даже напористо, с маниакальным задором. Словом, вел себя, будто пирующий варвар.

– С утра, – говорит, – ничего не ел. А тут полки ломаются.

– Ты, Петрулин, – реагирует папа, – асоциальная личность. Как можно?

– Мужик что так, что этак один срок мотать. А у меня гастрит.

– Разумно.

– Коньячку?

– Петрулин!

– Что?

– Умеешь ты уговаривать, Петрулин.

В одно время с опергруппой прибыла хозяйка магазина. Заполнила собой все пространство. От ее воплей дребезжали стекла и кусочки сала в шпикачках. Она ежеминутно норовила упасть в обморок. То бишь вела себя угрожающе. Когда узнала, что вор пойман, собралась идти в участок и лично придушить Селивакина своими руками. Четверо мужчин с трудом сумели ее удержать. Пригрозили табельным оружием.

На суде Селивакин выглядел расстроенным. Ему зачитали список всего, что он «украл». Он яро протестовал. Утверждал, что коньяк не пьет принципиально. Армян не приемлет категорически. Кричал, что губят честного человека. Плакал крокодиловыми слезами. Вывал к справедливому суду.

Ему дали год. Хозяйка магазина присутствовала на судебном заседании. Требовала для Селивакина высшей меры наказания – расстрела.

В общем, все остались недовольны. Селивакин, хозяйка, мой отец. Ему было неудобно перед арестованным. Какое-то время он носил тому передачи: сигареты, печенье, еще что-то. Спрашивал, что тому еще надо. Вроде как замаливал грехи.

***

Бывает, что случается так. Как с моим отцом. Когда не ты ищешь свое призвание, а оно находит тебя.

Он попал в свою струю. Туда, где чувствовал себя, как рыба в воде. Пригодилось и педагогическое образование. Отец пресекал безграмотность – выискивал ошибки в протоколах. Однажды на посиделках с начальником городской ритуальной службы сходу сочинил эпиграфий в стихах. Тот тут же предложил ему сменить род деятельности. Умолял не губить талант. Отец только, смеясь, отмахнулся.

Я почти закончил школу. Предстояло определиться со своим будущим. На полном серьезе. То есть никаких космонавтов и жонглеров в цирке. Меня в тысячный раз спросили, кем я хочу быть. А я в тысячный раз ответил, что не имею ни малейшего представления.

– Может быть экологом? – спросила мама.

– Может быть и экологом, – согласился я.

– А если экономистом? – мама оседлала букву «Э».

– Или экономистом.

И я стал экономистом. То есть человеком абсолютно непонятной и невнятной профессии. И сейчас мой тарантас не мчится по гладко выбритой трассе, а трясется по колдобинам, рытвинам, ямам. Я совершенно точно знаю, когда я свернул не туда. Вернуться уже невозможно. Сколько тех поворотов еще будет? Один, два. Заметить бы, не пропустить. Такая вот грусть с прищурилкой.

Сельские любви. Триптих Дом I

В этом доме все выдавало кокетство. Такое себе жилище легкого поведения. Хата-вертихвостка. Голубые ставни, резное крыльцо, приоткрытая калитка. Яблоня, плодоносящая «медуницами». Яблокисрываются с ветки и ухали по обе стороны хлипкого забора. Как говорится, и нашим, и вашим. Вкус пряный и до умопомрачения сладкий. Просто-таки инъекция счастья. Откусишь и превратишься в улыбку чеширского кота.

Сие жилище перепробовало столько постояльцев, что мы попросту устали запоминать их имена. Величали обезличенно: «сосед»или, еще короче, «эй!». Дом со своими обитателями вовсю куртизанил, после уставал и каким-томакаром от них избавлялся. Каждое лето, когда мы приезжали в деревню, наново знакомились с новыми соседями. Они все, как один, говорили:

– Ну-с, будем знакомы.

– Какое-то время, – уклончиво отвечали мы.

Тем летом, о котором пойдет речь, в дом въехала молодая семья: папа, мама и две дочери. Одна из молодых особ оказалась моей ровесницей. Это располагало к общению и совместному времяпрепровождению. Взрослые настаивали, я не противился. Курортный, можно сказать, роман.

Звали ее Даша. Она парила над землей, не касаясь ее ногами, и носила ровно такую же прическу, как Алиса Селезнева. Челка густая, как горячий шоколад. Глаза – каштаны в собственном соку. Тоненькие ручонки, локотки щетинятся. На лопатках пробивается пушок. Красный сарафан в белый горошек. Улыбка как бы предполагает загадку. Но, в отличие от госпожи Лизы, в Дашином случае присутствует и намек на отгадку. То есть интрига с беспрестанным подогревом. Это целое искусство. В общем, я был покорен с первых же секунд, когда увидел Дашу. Как и любой нормальный человек тут же спланировал наше совместное будущее. Свадьба, дети, спим в обнимку. В моей груди поселилось нежное чувство. Я стал более расположен к молчанию, старательно забывал слова, узнал, что такое «вдаль».

***

Мама Даши интереса собой не представляла. Загнанная женщина! Погрязла в кухонной утвари от щиколоток до макушки. При виде венчика забивалась в угол. Демонстрировала свое «фе», говоря:

– Этот дом для старушек. Разве я старушка? Мне нужны комфорт и удобства, старушкам важна привычка. Вернее, для них комфорт и есть привычка. А клозет может хоть в самом конце огорода стоять.

Отец девочки, напротив, пыхал здоровьем. Краснощекий, громадный, учтивый. Как мог, успокаивал жену. Чего-то ей обещал. Всегда был рад моим визитам.

– А, Пахнутый, опять пожаловал! – приветствовал он меня.

Должно быть, очень хотел сына. Других причин для проявления такого радушия я не видел. Но, ничтоже сумняшеся, вовсю эксплуатировал его добродетель. Терзал расспросами, донимал бессмысленной болтовней. Однажды увязался за ним на речку. Человек, между прочим, шел не праздной цели ради, а чтобы помыться.

В этом присутствовал некий колорит. За верхушки курчавых деревьев опускалось поднаторевшее за день солнце. Гладь воды совершала последние приготовления ко сну. Изредка какая девчушка перебежит через мост. И мы. Голые и отрешенные. В мыльной пене. Сосредо-

точенные и невозмутимые. Мизинцами прочищаем ушные раковины. Непередаваемый опыт. Не идет ни в какое сравнение с баней.

В деревне вообще было немного вариантов в вопросе гигиены. Или баня, или жестяная лохань посреди кухни. Разница в количестве соглядатаев и размахе. До той поры, пока непокорная растительность не пробилась себе дорогу наверх сквозь толщу моей кожи, я ходил в баню. С мамой, бабушкой и тазиком. Последним скрывал свою гендерную принадлежность. Вернее, прикрывал. Но я отвлекся.

С отцом Даши я сблизился гораздо ближе, нежели с самой Дашей. Девчонка оказалась ветреной особой. Никакой серьезности и степенности во взглядах. На уме сплошь одни гульки. О какой фундаментальности можно было вести речь?

***

Напротив кокетливого дома грудой лежали старые деревянные телеграфные столбы. Они гнили, служили приютом для муравьев и их детей-личинок, подпирали покосившийся забор и изумительно портили окружающий вид. Так они валялись довольно долго, пока местные жители не определили их на растопку. Но дотоле столбы успели послужить местом игрищ для детворы.

«На столбах» собирался местный бомонд. В его состав входили: я, Даша, ее младшая сестра и прибившийся к стаду молодой человек по имени Давид. Никто его особо не звал, не приглашал. Есть такая порода навязчивых людей: подходят, заговаривают, потом вас же презирают. Говорят: «Пусть будет проклят тот день» и так далее. Всякий раз возвращаются и выдавливают извинения. Затем все поновой. Их поведение не стоит принимать слишком близко к сердцу. Как если бы вам отдала ногу вошь.

Этот юноша отличался особой манерностью и жеманностью. Имя Давид он присвоил себе по своей же прихоти. По документам он значился, как Григорий. Свое собственное имя Давид не признавал.

– Отдает падением в бездну, – пояснял он, – Гриша. Гришка. Каков провинциализм.

В нем уживались меланхоличность, фаталистические настроения и паническая боязнь насекомых. Завидев пчелу, Давид визжал.

– Успокойся, – говорю ему я, – От укуса пчелы еще никто не умирал.

– А хоть бы и так, – отвечал Давид.

Образу, в общем-то, деревенского парня, добавляли пикантности: шелковый шарф, повязанный на шею, и затрепанное издание «Эммануэль». Читать книгу Давид не читал – пролистывал. Использовал, как штрих к портрету, как показательный укор хозяйничающей в здешних местах незатейливости. Выискивал красивые, многоступенчатые и что-то да значащие слова.

В деревне Давид слыл изгоем. Его никто не любил и не принимал. Машинисты комбайнов смотрели на него свысока. Косари сдерживали себя с трудом. Его не любила и моя бабушка. Называла «дегенерастом». Я не уточнял, в какой части слова крылась опечатка.

Противовесом Давиду выступала младшая сестра Даши, Софья. Несмотря на свой юный возраст, она уже была отъявленной гомофобкой. Жеманность презирала, жабо считала орудием дьявола. Предпочитала изводить Давида. Извлекать на свет его истинную «гришкинскую» сущность. К примеру, могла безо всякого заметить:

– Давид испортил воздух.

– Пардон! – подавал голос Давид.

– Софья! – прикрикивала на сестру Даша.

– Но дурно пахнет же, – не унималась девочка.

– Приструните нюх, малолетняя особа. Здесь только что прошло стадо коров. Научитесь сортировать амбре, – умничал Давид.

– Бздун, – заключила Софья и продемонстрировала язык.

– Невежда деревенская! – парировал Давид, – Какое будущее тебя ждет? Ворох детей и куриный помет! Вот какое! Да что я забыл здесь, в этой выгребной яме? Уфф!

Но в целом сосуществовали мы мирно и, наверное, дружелюбно. Вели великосветские беседы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.